

Среди казаковъ.

(Правдивый рассказъ ирландца Ф. Мккулаха, пробывшаго съ казаками всю русско-японскую войну).

Перевелъ съ англійскаго Н. Мельницкій.

„Отчего ты такъ встревоженъ?“
Спрашиваетъ казакъ у Дона,
Отчего мутны волны твои,
О тихій Донъ, тихій славный Донъ,
Батюшка ты нашъ, кормилецъ,
Куда дѣлась твоя чистота.
И славный Донъ Ивановичъ отвѣчаетъ и говоритъ:
Нѣтъ ничего удивительнаго,
Что берега мои разорены, что русла мои загрязнены
Казаки моя крѣпость, защита моя!
Какъ я могу по-старому течь,
Когда казаки мои ушли прочь.

Часть I.

I.

Отъ Токио до Артура.

Когда началась русско-японская война, я былъ въ составѣ редакціи „Новаго Края“ (издававшейся въ Портъ-Артурѣ газеты).

Чтобы пояснить, какъ я, британскій подданный, могъ находиться въ столь странномъ положеніи, я долженъ немного вернуться назадъ. Еще раньше, когда я былъ издателемъ французской газеты въ Сіамѣ, а затѣмъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ японской газеты въ Токио, я подумалъ, что недурно

было бы дополнить мое дальне-восточное политическое образование въ русскихъ владѣніяхъ и сталъ брать уроки русскаго языка у отца Сергія Глѣбова (настоятеля русской миссіи въ Токио). Въ августѣ 1903 г. я отказался отъ своего мѣста въ японскомъ Теймсѣ, чтобы ѣхать въ Портъ-Артуръ, гдѣ надо было ожидать крупныхъ событій ко времени, обусловленному Россіи для эвакуаціи Маньчжуріи, т.-е. къ 8 октября.

Признаюсь, что я съ стѣсненнымъ сердцемъ покидалъ Японию, но только потому, что я успѣлъ полюбить эту страну, но для меня этотъ переѣздъ былъ подобенъ прыжку въ темноту.

Я отправился на японскомъ пароходѣ „Taigen Maru“, и Дальній былъ первый русскій портъ, къ которому мы пристали. Поднявшись рано утромъ и выйдя на палубу, я увидѣлъ, что мы приближаемся къ солидно построенной набережной, снабженной всѣми новѣйшими приспособленіями для погрузки и выгрузки товаровъ и примыкавшей къ ней желѣзнодорожной вѣткѣ, принимавшей грузы для дальнѣйшей отправки черезъ Сибирь въ Европу. Длина и обширность этой набережной и замѣчательная система скрѣпленій ея сооруженій поразили меня глубоко: такая работа очевидно создалась не на годъ—на два, но на вѣчныя времена. Не было нужды въ такой постройкѣ, но въ этомъ было что-то римское, характеризующее колосса—строителя—Имперію, расточающаго свои неисчерпаемыя богатства. И, принимая во вниманіе ведущіеся съ Японіей переговоры, это спокойствіе производило особенно сильное впечатлѣніе. Кто могъ бы мнѣ предсказать тогда, что черезъ восемь мѣсяцевъ я буду японскимъ плѣнникомъ въ Дальнемъ!

Дальній съ виду вполнѣ европейскій городъ; какъ австралійцы сдерживаютъ у себя наплывъ желтой расы, такъ поступали и русскіе въ Дальнемъ; лишь въ нѣсколькихъ прилегающихъ улицахъ ютились жалкія китайскія лачужки. Будучи значительнымъ портомъ, Дальній имѣлъ одинъ недостатокъ: въ немъ не было жителей. Изрѣдка только появлялись небольшія кучки рабочихъ, а звуки ихъ шаговъ успѣвали затихнуть прежде, чѣмъ появлялись новые.

Протрусить казакъ на маленькомъ китайскомъ пони, проѣдетъ извозчикъ съ сѣдокомъ офицеромъ, и вновь тишина.

Нѣкоторые дома еще не были оштукатурены, но въ нихъ уже жили; другіе снаружи были закончены, но не заняты, и внутри завалены известкой, кирпичемъ, гвоздями; часть построекъ была окружена лѣсами, а вокругъ лежали груды мусора и строительнаго матеріала.

День былъ праздничный; въ маленькой церкви, куда я взшелъ, столпилось много молящихся, большей частью солдатъ, напряженно стоявшихъ и часто крестившихся въ то время, какъ священникъ, съ окладистой черной бородой, изнемогая отъ жары въ пышныхъ одеждахъ, совершалъ литургію; на желѣзнодорожной станціи происходили обычныя занятія, но въ остальномъ городъ казался вымершимъ.

Въ общемъ, я нашелъ Дальній наименѣе привлекательнымъ изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мной мѣстъ. Эти высокіе обнаженные, желтаго цвѣта холмы, лишь изрѣдка покрытые тощей травой, мѣстами на половину разрытые, производили грустное впечатлѣніе.—Мы покинули Дальній на разсвѣтъ, и я все время переѣзда въ Портъ-Артуръ оставался на палубѣ. На пути тянулись все тѣ же непривѣтливья голыя скалы, и единственнымъ признакомъ жизни были, одиноко торчащіе, телеграфные столбы, да въ одномъ мѣствѣ у подножія утеса ютилась рыболовная китайская деревушка.

Задолго до Портъ-Артура увидали мы вдали какъ бы высокую башню, господствующую надъ окружающими ее вершинами горъ; это былъ колоссальный столбъ дыма, выходящій изъ судовъ, собранныхъ адмираломъ Алексѣевымъ въ Портъ-Артуръ. Обогнувъ огромный круглый Лаоташань, грозно поднимавшійся на 1.500 ф. надъ уровнемъ моря, мы около 7 часовъ утра бросили якорь вблизи гавани.

Передъ нами поднимался золотой холмъ съ своей вершиной, совершенно срѣзанной прочь, образуя комнату (площадку) для огромныхъ пушекъ, изъ которыхъ шесть-семь были видны даже простымъ глазомъ. По лѣвой сторонѣ вершины устроена была сигнализациа, сзади видѣлся низкій каменный домъ, а передъ нимъ цементная площадка, на которой 9 февраля слѣдующаго года я видѣлъ адмирала Алексѣева съ его штабомъ, наблюдающаго за морскимъ боемъ, разыгрывавшимся внизу. Даже самымъ неопытнымъ глазомъ можно было видѣть, что и другіе холмы по сосѣдству укрѣплялись.

Поднимаясь черезъ Тигровую гору, я видѣлъ мачты стоявшихъ во внутренней гавани русскихъ судовъ, а у подножія морского берега торпедныя лодки, и цѣлый раіонъ берега былъ покрытъ какъ будто стволами деревьевъ: это были короткія мачты новыхъ торпедныхъ лодокъ.— „Эти лодки“, сказалъ мнѣ одинъ проходившій мимо русской,— „мы получаемъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ въ разобранномъ видѣ, и японцы

могутъ считать, что ежемѣсячно у насъ прибавляется двѣ лодки".--Недалеко отъ насъ на рейдѣ стоялъ блестящій «Рюрикъ».

Первое впечатлѣніе Портъ-Артура не было особенно благоприятное. Весь берегъ заваленъ былъ грудями каменнаго угля, а въ промежуткахъ сложены были водочныя бочки. День былъ жаркій; воздухъ, казалось, былъ пропитанъ пылью, и отраженіе солнечныхъ лучей отъ зданій и обнаженныхъ каменистыхъ холмовъ дѣлало прогулку весьма неприятной. На улицахъ толпились солдаты и матросы, многіе изъ нихъ со столькими медалями на груди, что онѣ вѣроятно утопили бы ихъ, если бы тѣ случайно попали въ воду. Извозчики съ трудомъ продвигались въ этой толпѣ, поминутно рискуя кого-либо задавить. Меня поразило это оживленіе, хотя я и былъ подготовленъ къ такимъ сценамъ въ прочитанныхъ мной произведеніяхъ Гоголя. Освободивъ свой багажъ отъ набросившихся носильщиковъ, я попытался найти комнату въ одномъ изъ отелей, или въ „номерахъ“, какъ они называются, но это была не легкая задача. Номера эти помѣщались въ многочисленныхъ китайскихъ домахъ, выбѣленныхъ, съ небольшими стеклянными окнами, разбитыхъ на очень маленькія, грязныя и невзрачныя комнаты, раздѣленные между собой лишь тонкой перегородкой; окна въ нихъ никогда не отпирались, и, за отсутствіемъ доступа свѣжаго воздуха, воздухъ въ нихъ такъ пропитался пылью, такъ что не было никакой возможности привести въ порядокъ комнату. Измученный я ходилъ отъ одного отеля къ другому, часто слыша такой грубый отвѣтъ, что поражался, и къ сожалѣнію не могъ это оправдать непониманіемъ моего языка, такъ какъ со мной былъ переводчикъ—русскій. Наконецъ, въ номерахъ „Ефимовыхъ“ по имени ихъ владѣльца, я нашелъ маленькую грязную комнату, безъ всякой вентиляціи, цѣной 3 р. 50 к. въ сутки безъ освѣщенія, воды и бѣлья, т.-е. за этотъ несчастный номеръ мнѣ пришлось платить, какъ въ помѣщеніи въ одномъ изъ лучшихъ отелей въ Англіи.

Комната была такъ мала, что кровать съ трудомъ помѣщалась, а дверь снабжена была засовомъ и замкомъ, что дополняло сходство съ конюшней; почти всѣ остальные комнаты были заняты молодыми еврейками, которыя были прекрасны, но, по видимому, были безъ опредѣленныхъ занятій. Ихъ частые крики: „бойка“, „бойка“ намекали на присутствіе прислуги для посылокъ китайскаго бойки, но, за все время пребыванія въ номерахъ, я услугами его не пользовался; я самъ долженъ былъ идти въ лавку, если бы мнѣ что-нибудь требовалось, и

такъ какъ самоваръ утромъ подавался не раньше 10—11 ч., то и мнѣ пришлось привыкнуть вставать поздно. Всѣ Портъ-Артурскіе отели, кромѣ одного, содержались армянами, и во всѣхъ ютились юныя дамы того же типа, какъ у „Ефимовыхъ“.

Читатель уже знаетъ, что былъ старый и новый Портъ-Артуръ. Старый Портъ-Артуръ—китайская деревня, существовавшая еще въ тѣ времена. Когда крѣпость была занята гарнизономъ войскъ Небесной Имперіи, всѣ китайскіе дома остались, но они были приспособлены для лавокъ и жилья европейцевъ. Новый городъ расположенъ былъ вдоль бухты къ западу; между обоими городами было около мили, но дорога, вслѣдствіе постоянной грязи, была отчаянная, особенно плохо было передвигаться ночью, потому что городъ вовсе не освѣщался, узкіе деревянныя тротуары, тянувшіеся вдоль улицы, были въ плохомъ состояніи: доски не пригнаны и слабо прикрѣплены, во многихъ мѣстахъ торчали предательскіе гвозди. Въ магазинахъ были преимущественно предметы первой необходимости, но люди поразсчетливѣе приобрѣтали все въ китайскихъ лавкахъ, а русская интеллигенція усердно посѣщала крупныя магазины, какъ Кунстъ, Альберсъ, Блокъ и др., гдѣ замѣтно было предпочтеніе офицеровъ статскимъ. Торговля шла всегда оживленно. Единственный въ городѣ банкъ Русско-Китайскій былъ всегда переполненъ, такъ какъ по размѣрамъ помѣщенія не соответствовалъ требованію. Кто бы ни былъ посѣтитель, ему приходилось дожидаться очереди не менѣе трехъ-четырехъ часовъ. Новый городъ занималъ прекрасное мѣсто, командуя надъ гаванью и будучи защищенъ высокими холмами отъ проникновенія холоднаго вѣтра, почти непрерывно тамъ дувшаго всю зиму; китайцамъ не дозволялось въ немъ селиться, и всѣ постройки были въ европейскомъ стилѣ, но часто невыдержанномъ, такъ что съ архитектурной точки зрѣнія городъ не былъ красивъ.

Домъ намѣстника построенъ былъ изъ массивной глыбы,—высотой въ два этажа; вблизи него находился офицерскій клубъ, постройка котораго обошлась около 20 фунтовъ стерл. Морскія казармы были закончены къ самому началу войны, и были лучшія зданія въ этомъ родѣ на всемъ Востокѣ, исключая, быть можетъ, нѣкоторыхъ казармъ въ Индіи. Высотой въ три этажа, длиной около 300 футовъ, онѣ вмѣщали по тысячѣ человѣкъ; напротивъ нихъ, на Тигровомъ полуостровѣ были построены такія же казармы, но въ нихъ приготовлялась пища для людей, и зимой цѣлая площадь передъ ними согрѣвалась

паромъ. Въ новомъ городѣ, какъ и въ Дальнемъ, много домовъ было наполовину лишь застроено. (Въ іюлѣ 1904 старый городъ былъ покинутъ и срытъ до основанія).

Наиболѣе замѣчательная общественная работа, производимая въ то время, какъ началась война, былъ каедральный соборъ. Вершина холма между новымъ и старымъ городомъ, дающая обзоръ на всю гавань, была срыта, чтобы образовать пространство для массивнаго фундамента, который выглядывалъ издали подобно пню огромнаго феодальнаго дуба. Эта неоконченная работа первая бросилась мнѣ въ глаза, когда утромъ я шелъ въ контору „Новаго Края“. Какъ я теперь вспоминаю, это мѣсто покрыто было тамъ и сямъ маленькими фигурами китайскихъ рабочихъ землекоповъ и каменщиковъ. Если бы этотъ соборъ былъ бы законченъ, онъ былъ бы также высокъ, какъ св. Павла и судя по рисункамъ былъ замѣчательной архитектурной красоты, такъ что на всемъ востокѣ не было бы ничего подобнаго, развѣ только русскій соборъ въ Токио. И русскіе говорили, что электрическій свѣтъ, который долженъ былъ освѣщать вершину, могъ бы быть виденъ далеко съ моря.

Н. Мельницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

